

КЛАД

Перевод Айдера Османова

Он остановился перевести дух. Провел шершавым рукавом стеганого халата по лицу. Со лба, мешаясь с каплями пота, стекал талый солоноватый снег. Он медленно обернулся, чтобы закричать на отставших жену и сына. Но в рот, будто кляп, влетел ветер, не дал сорваться с языка гневным словам. Он лишь глотнул побольше воздуха — в горле засадило, словно в нем застрял кусочек льда. Заметил, что жена и сын плетутся из последних сил, сдержал себя. Жена несла на голове узелок с провизией, поддерживая его одной рукой, другой же подобрала полы пальто. Она высоко поднимала ноги, стараясь ступать в оставленные им следы. И все же увязала в глубоком снегу, то и дело оскальзывалась, падала на колени.

Снег поредел. Уже не валил большими, как клочки распушенной ваты, хлопьями. Но мороз сделался злее. Наверно, оттого злится, что они наперекор ему идут в гору, поднимаются все выше и выше, туда, где и летом-то не шибко жарко.

Кругом белым-бело. Впереди и по сторонам горбятся белые горы. Над головою белое небо. Будто на мир набросили саван. Лишь оставленная позади долина подернута синеватой дымкой. За этой дымкой проглядывается извилистое русло горной реки, не замерзающее благодаря неустанному ее движению. Отсюда кажется она желтоватой веревкой, оброненной кем-то на снег. Несколько плоских глинобитных домов примостились у ее берега. И дома те не более спичечного коробка. Там кишлак, мимо которого они недавно прошли. Словно пучки сорной травы, стоят на дворах голые деревья. Да, надо было разрешить жене, когда она просилась зайти к кому-нибудь погреться. Он не разрешил. Он очень спешил... Во-он кое-где над крышами вьются тонкие струйки дыма, тянутся к небу. Значит, внизу по-прежнему ветра нет. Видно, он ярится лишь здесь, толкает в грудь, хлещет в лицо снежной пылью, не хочет пустить в свои владения, туда, куда в эту пору года не ступает нога человека.

Мужчина отыскал взглядом чуть просвечивающий в зените клубок солнца. Уже полдень. А они не преодолели еще и половины пути.

Женщина приблизилась, протянула руку — хотела, видно, чтобы он поддержал ее, вконец обессилевшую. Он повернулся, зашагал дальше. Намеренно не взглянул ей в лицо — чтобы не увидеть ее страдания. Те ли еще муки предуготовила им судьба — пусть привыкает...

Тропа, по которой столько раз приходилось ходить летом, под снегом неприметна. Он угадывает ее чутьем. Старается опознать грозно нависшие по сторонам скалы, ориентируясь по ним. Ветер завывает и свистит, обтекая каменные лбы скал, подхватывает снежную крупу, швыряет в глаза.

Мужчина прислонился плечом к скале, постоял минуту, тяжело дыша. Что и говорить, лет двадцать — тридцать назад он мог, ни разу не отдохнув, преодолеть эти горы из конца в конец. А нынче возраст все же дает себя знать. Ему уже без малого пятьдесят. Полвека, считай, позади.

Слегка оттолкнувшись от скалы, он опять зашагал вперед, навстречу падающему с вершин ветру. Движения его были легки, будто скала передала ему свою силу. Он был статен, широкоплеч. И телом все еще достаточно крепок. Недаром и по сей день жители окрестных селений помнят его как победителя на козлодраниях.

Морщины, избородившие широкий лоб, две глубокие складки по углам рта, слегка выдвинутый вперед квадратный подбородок придавали его лицу надменное выражение. Может, он и в самом деле в кругу друзей был горделивым и надменным. Но сейчас в его сощуренных глазах таилось отчаяние. Наконец он не выдержал, воздел над головой руки, воскликнул хриплым голосом:

— Чем мы не угодили тебе, создатель! За что ты так немилосерден к нам!

Жена с сыном опять были далеко, не могли услышать его слов. Он и не хотел этого. Они не должны знать, что и ему иной раз изменяет воля.

— О всевышний! Накажи тех, кто разогнал по всему свету людей, имена которых славились далеко окрест. О аллах! Объясни, кому понадобился этот колхоз? Ведь столько существует земля — и обходились без этих колхозов! О аллах, что же это такое!

Ему вспомнилось вдруг, ради чего он подался в столь неурочное время в горы. С ног до головы его обдало го-

рячей волной, и кто-то невидимый подтолкнул вперед. Он снова явственно услышал предсмертные слова отца: «Летнее становище в горах... Угол... Много золота... Закопал. Хватит всем твоим потомкам...» Постепенно глаза отца стекленели, речь становилась несвязной. В груди у него что-то булькало, хрипело. «В каком?! В каком углу?!» — закричал сын, затормошив старика, словно мог еще его пробудить. Тот открыл рот, будто хотел сказать еще что-то, но не успел — так и переселился в иной мир, недосказав главного.

«Интересно, в каком углу он зарыл? Снаружи или внутри помещения? — думает мужчина, стараясь представить отцовский ветхий дом, выложенный из бесформенного дикого камня, куда они выезжали каждое лето, выгоняя на пастбище отары овец. Это было просторное квадратное помещение без окон, без ниш. Внутри неровные стены, с выступающими боками камней, обмазаны глиной. Камыш в потолке подгнил и пахнет плесенью... — Ну и скрягой был старик! Не мог раньше сказать, пока смерть не ухватила за горло. Или, может, боялся, что я могу прибрать к рукам его богатство? Теперь гадай, в каком углу он зарыл его!..»

— Это золото мое! — вырвалось из его груди. Он вздрогнул, не узнав своего голоса. Остановился, размышляя. — Это законное наследство отца сыну, — рассуждал он. — Его никто не сможет у меня отобрать. Никто-о-о!

— Конечно, оно ваше. Его никто и не собирается у вас отбирать, — послышался за спиной спокойный голос жены.

Только теперь он заметил, что стоит. Через плечо взглянул на женщину. Она улыбнулась. Но брови ее были горестно изломлены, лицо бледное. На лбу бисеринки пота. Дыхание учащенное, грудь высоко поднимается и опускается. Конечно, ей совсем невесело. Она улыбнулась для него — чтобы придать ему сил, и пусть муж не думает, что она сожалеет, отправившись с ним в такую трудную дорогу. Это ее долг — следовать всюду за мужем.

Плотно сжатые губы мужчины тронула еле приметная улыбка. Но от ее взгляда не могло ускользнуть ни малейшее изменение в его лице. Он пошел медленнее, чтобы жена и сын не слишком отставали. Ему подумалось, что жена выглядит значительно старше своих двадцати четырех лет. И ему стало жаль ее. Аллах не слишком милостиво обходился с ней — вначале дарил ребенка, потом отбирал. Поэтому ожидание следующего ребенка всегда радовало

и одновременно внушало страх. Смерть третьего сына навсегда оставила на ее красивом лице печать скорби. Впрочем, уже в четырнадцать лет, став его женой, она превратилась в серьезную рассудительную женщину. В том возрасте, когда ее подружки, может, еще не помышляли ни о чем другом, кроме игр и забав, она уже столкнулась с грубой действительностью, с тем, что надо быть всегда покорной мужу, исполнять любую его прихоть. Постепенно свыклась с этим, научилась пересиливать себя.

Рослая, с тонкой талией, широкими бедрами, она в юности слыла красавицей. А он давно присматривался к ней — еще когда она была девчонкой. К счастью, ее отец был не из богатых — охотно согласился выдать за него дочь, потребовав умеренный калым. В четырнадцать лет она стала его третьей женой. А сколько же ему было тогда? Около сорока. Но она полюбила его пылко, насколько было способно на это ее неискушенное девичье сердце. Позабыла разницу в их возрасте и даже старалась заглушить в себе ревность к старшим женам. Ведь по шариату он и для них являлся мужем, отцом их детей. Да, его жена принадлежала к той категории женщин, которые не отступают от принятых однажды решений, не отворачиваются от судьбы, не сетуют на нее, принимают все как естественное, как бы тяжело ни приходилось в жизни. Родители ей с детства внушили страх перед богом, и она боялась сотворить грех, строго блюла все порядки. Муж редко бывал с ней ласков, но она замечала, что он любит ее больше, чем остальных жен, и этим была счастлива. Однако даже в минуты близости он бывал груб, а она в ответ одаривала его лаской и нежностью...

Кажется, он действительно любит ее, эту покорную малоразговорчивую женщину. Иначе откуда в нем быть угрызениям совести после того, как обидит ее. Правда, достаточно лишь одного его приветливого взгляда, чтобы жена позабыла обиду и вновь обрела счастье. И все же в такие дни он ходит хмурый. Не по себе ему было: чувствовал себя виноватым и не хотел, чтобы она это заметила. А она замечала, сама подходила, просила извинения, что огорчила его.

Мужчина остановился, подождал, пока приблизится жена. Она шла с трудом, сынишку вела за руку. Дорога вымотала ее силы. Она, видать, была голодна. С тех пор как вышли из дому, ни маковой росинки не было у них во рту. Да и ребенок, которого она носит под сердцем,

наверно, требует свое. Сегодня с утра она не может отогнать навязчивое видение — чашку куриного бульона. Сколько раз уже сказала про бульон, облизывая сухие, потрескавшиеся губы. Надо было, черт возьми, нарезать утром курицу, накормить ее. Но не хватало времени, он спешил. Да и сейчас такое топтание на месте не приведет ни к чему доброму. Время клонится к вечеру. Если до темноты они не доберутся до хижины, худо придется им. Вот и мороз начал крепчать.

Жена едва открыла рот — наверно, опять хотела сказать про бульон, — он резко повернулся и зашагал, оставляя на рассыпчатом, как песок, снегу глубокие следы.

Мальчик с большими любознательными глазенками, обрамленными пушистыми длинными ресницами, больше походил на мать, чем на отца. Голова его была покрыта материнским шерстяным платком, обхватившим грудь крест-накрест и завязанным на пояснице. Идти так было очень неудобно, он еле поспевал за матерью. Хотя она его держала за руку, он вдоволь наглотался снега, поминутно падая. Ноги запутывались в полах длинного чапана. Галоши наполнились снегом, и его тонкие ичиги давным-давно намокли. Ему казалось, что кто-то больно ухватил клещами за пальцы его ног и силится оторвать их — так они замерзли. Но он про это помалкивал. Еще хуже его донимал голод. Вложив окоченевшую руку в теплую ладонь матери, он из последних сил плелся за ней и каячился. Ему невдомек было, почему они покинули теплый уютный дом и пробираются по горам невесть куда. Этого он не мог уразуметь.

— Мама, есть хочу, — прохныкал мальчик.

— Э, пиалку бы куриного бульона, — простонала женщина. — Ну, ладно, следует довольствоваться тем, что посылает аллах.

Она сняла узел, что несла на голове, на ходу развязала его и, отломив кусок лепешки, подал сыну. Мальчик стал торопливо, жадно есть, пыхтя, то и дело утирая рукавом нос. Глядя на него, мать проглотила слюну, снова взяла сына за руку и заторопилась, боясь отстать от мужа. Горы постепенно окутывала тьма, и в ее сердце закрадывался страх. В лощинах клубились сизые облака, словно пар над котлом, невольно напоминая ей кипящую смолу, в которой на том свете варятся грешники.

— Интересно, никто не заметил, когда мы выходили из деревни? — донесся голос мужа и рассеял ее мысли.

— Было темно, наверно, никто не заметил, — сказала она. — Да и мало ли куда мы можем пойти спозаранку.

В последние годы ее мужу не раз приходилось отправляться в путь и в лютый мороз, и в безжалостный зной. Он был связным между аксакалом кишлака и беком, который жил в другом селении.

Всплывшая было из-за вершин луна потонула в толще облаков. Сделалось темно. Весь мир будто разделили надвое — на белую и черную половины. Снова повалил снег. Ветер вскручивал его, и казалось — вокруг пляшут привидения в белых одеяниях.

— Мама, я устал, — взмолился мальчик. — У меня ноги замерзли.

— Ох, будь проклят этот день. Я тоже до смерти устала. Не будь у меня этого узелка, сынок, взяла бы тебя на руки. Потерпи немного. Эх, если бы сейчас пиалку горячего куриного бульона...

— Поторапливайтесь, — хмуро бросил мужчина и ускориł шаги. — Если заблудимся, станем добычей волков...

Снег залепливал глаза. Трудно было дышать. Женщина приостановилась, схватилась за сердце. На минуту она потеряла из виду мужа. И следов его не разглядеть в темноте, снег успевал заметать их. Она стояла, боясь сделать шаг не в ту сторону, и в тревоге озиралась, все еще не решаясь позвать мужа на помощь. И в этот момент впереди послышался радостный голос:

— Слава аллаху, дошли!

Жалобно скрипнула дверь, словно приветствуя хозяйку.

Женщина, увлекая сына за руку, почти бегом метнулась к спасительной хижине.

Муж стоял посредине комнаты, свыкаясь с непроглядной теменью. Она не видела его, лишь слышала тяжелое дыхание. Присутствие близкого человека успокоило ее, развеяло страх.

— Ты лампу прихватила с собой? — спросил муж.

— Вы так торопили, что я про нее забыла, — виноватым голосом ответила женщина.

— Пойди собери хворосту, — распорядился муж. — Без огня здесь очокуриться можно...

— Руки совсем замерзли... как не мои, — сказала женщина, направляясь к двери и не желая признаться, что боится выйти одна. Глава семьи не любил, когда кто-нибудь трусил.

Но тут заплакал сын.

— Мама, не ходи, я боюсь без тебя. У меня тоже руки замерзли...

Женщина вернулась, принялась его успокаивать, дышать на его руки.

Муж вышел, хлопнул дверью. Вскоре он вернулся с охапкой дров. Видно, нашел в сарае.

Развели костер. Уселись близ огня на циновке. Съели по лепешке, подслащивая ее сушеным урюком. На корявых стенах плясали розовые блики. От камней, выступающих из-под штукатурки, падали тени, то вытягиваясь, то сжимаясь, будто хотели сбежать от света и никак не могли оторваться от стены. С черного провисшего потолка свисали камышинки, похожие на чьи-то пушистые хвосты от нависшей на них копоти. А по углам притаился мрак.

Мужчина резко встал. Внимательно огляделся по стономам. В его прищуренных глазах отсвечивались красноватые угли костра. Потом он прошелся вдоль стен, припоывая то там, то здесь по земляному полу ногой. «Бог даст, выкопаю золото и подамся через горы еще дальше в те места, где можно зажечь спокойно,— рассуждал он про себя.— Не то зачем было тащить за собой женщину и ребенка, мучить их. О аллах, подскажи, в каком углу искать...»

— Мы скоро станем богатые,— сказал он, стараясь хоть как-то загладить вину перед женой.— Будем жить, как хотим, есть — что хотим. И одеваться ты у меня будешь, как султанша. Подадимся на чужбину — зато будем сами себе хозяева. Землю у нас отняли, скот отняли, оставили в исподнем. Золото не отберут. Не отдам я им золото! Нет! Стало быть, умен был мой старик: как только прослышал про колхозы, продал и скот, и землю, и роскошный дом — превратил все это в золото. Вон, оказывается, каким богачом был, а ютился в тесной каморке в моем доме. Поглядели на него — брать с него нечего. Разве только душу. Но душа его оказалась богу нужна. А золото — мне! Только вы у меня держите язык за зубами.— При этих словах глаза его хищно сузились, он резко обернулся.

Но никто, оказывается, его не слушал. Мать и сын, тесно прижавшись друг к другу, дремали у гаснущего костра.

По крыше шелестел ветер, свистел в отверстиях, оставленном для выхода дыма. В этом шуме его чуткий слух

вдруг уловил протяжный вой, донесшийся издалека, вой, от которого мурашки поползли по спине. Это волк-вожак созывал отощавшую свою стаю...

Мужчина стоял, прислушиваясь, еще несколько минут. Потом опустился прямо на землю, прислонился к холодной стене и обхватил руками колени. Однако тревога, вселившаяся в сердце, пересилила сон. Только сейчас вдруг дошло до его сознания, что они в горах одни, на несколько верст вокруг ни души. Представилось, как серые лохматые тени обступили дом, клацают зубами, ждут, когда откроется дверь и из нее выйдут люди... Он замотал головой, чтобы отогнать страшное видение. Однако ему не удалось заставить себя закрыть глаза даже на минуту.

Так прошла ночь.

Рано утром женщина поставила чугунный кумган на очаг, выложенный во дворе из камня, согрела воду, совершила омовение и вошла в комнату, намереваясь разбудить мужа. Но он уже был на ногах и расчищал угол от мусора.

— Я согрела воду,— сказала она.— Умоетесь?

— Ступай, я сейчас,— ответил муж, нетерпеливо ожидая ее ухода. Ему вдруг показалось унижительным в присутствии женщины копаться в мусоре, уподобясь барсуку.

Женщина вышла во двор, сняла половичок с навеса, что был возведен над дверью, расстелила и стала ждать мужа. Встретила его кротким поклоном, протянула кумган с теплой водой. Тот скрылся за каменной оградой, чтобы совершить омовение и умыться.

После утренней молитвы женщина сходила к роднику, принесла воды для чая. Мужчина разбудил сына и отослал к матери.

— Ступай погрейся у очага,— сказал он.

А сам вынес из сарая ржавый кетмень и приступил к поиску клада. Он копал с осторожностью. Перед каждым ударом кетменя ему казалось, что вот на этот раз он наверняка заденет о крышку обитого железом сундучка и по земле, засверкав, словно искры, рассыплются золотые монеты. Но желанный стук все никак не раздавался.

Мужчина не падал духом, в предвкушении счастливой находки он не замечал пота, сбегавшего по нему ручьями. Он думал только о золоте. Ему казалось, будто он жил все это время в ожидании этой минуты, в которой было больше радости, чем ее перепаало на всю его жизнь. Но где оно, заветное мгновенье? Далеко ли, близко ли.

В углу образовалась широкая яма глубиной в метр, но сундучка не было. Мужчина, тяжело дыша, присел на корточки, утерся рукавом.

— Папа!

Этот возглас сначала испугал его, а потом удивил. Он оглянулся, посмотрел исподлобья на сына.

— Мама сказала, чтобы вы шли пить чай.

— Иди, сейчас приду,— прохрипел он, стараясь унять бившую его нервную дрожь.

«Это первый угол... Еще целых три. В одном из них ожидает меня моя минута. Ради нее стоило преодолеть такой путь... Угол! Но ведь у дома имеются и внешние углы, снаружи. Может, он закопал во дворе? Нет, вначале, пожалуй, следует обыскать комнату...»

Ободренный этой мыслью, он вышел во двор. Но куски лепешки комком застревали в горле. Залпом осушил пиалу чая и распорядился, чтобы жена собрала к вечеру побольше хворосту—ее надо было занять чем-то. Низко пригнувшись, чтобы не стукнуться о притолоку, он шагнул в дом.

Принялся копать в другом углу. В ушах постоянно звучал скрежет, который раздается при ударе острия кетменя о крышку сундучка. Затем... ему слышался звон множества рассыпавшихся желтых монет. Он отчетливо представил себе это, на его лице появилась улыбка. Мысль, что вот-вот это произойдет, непрерывно стучала в мозг, будто о темя били серебряным молоточком.

Вдруг кетмень ударился о что-то твердое, высек искру. Минута! Он отбросил свое орудие и, упав на колени, принялся разгребать землю руками. Однако ноющие ладони наткнулись лишь на камень, расколотый надвое. «А-а-а»,— застонал он, схватившись за голову и раскачиваясь из стороны в сторону. С силой ударил камень о стену.

Он работал до темноты. Во всех углах, чернея, возвышались груды навороченной земли. В изнеможении свалился на циновку. Долго лежал неподвижно, словно в забытьи. Очнулся от чьего-то прикосновения к плечу.

— Не нашлось?— послышалось ему. Голос звучал где-то далеко-далеко. Прошло некоторое время, прежде чем он догадался, что к нему обращается жена.

— Если бы нашлось, я, наверное, не лежал бы как труп!— прорычал он и, резко поднявшись на локте, впился в нее глазами, будто это она была виновата в его невезении. Женщина заметила в его взгляде что-то такое,

что испугало ее, поспешила отойти к разведенному ею костерку. Неспешно опустилась на циновку, положила голову сына себе на колени и стала гладить его волосы, стараясь убаюкать малыша.

...Минул второй день. А потом и третий. Прежде чем копать землю снаружи, пришлось вокруг дома отбросить сначала снег. Его напало за эту зиму немало. Благо сейчас погода установилась погожая, в бирюзовом небе, к которому лишь кое-где прикоснулся кистью с известкой небрежный маляр, сняло яркое солнце. Правда, оно согревало не столько землю, сколько душу. Земля была скована морозом. Кетмень звякал о нее и отскакивал. А он спешил. Погода с часу на час могла испортиться, мог снова повалить снег. Хорошо еще, что на глубине в полметра почва становилась мягче, начинала поддаваться свободнее. Он работал не отдыхая. Несведущий, глядя на него со стороны, мог подумать, что человек, лишившись ума, хочет выкопать свой дом, чтобы перенести его на новое место.

Вчера и сегодня мужчина не произнес ни слова. Молча брал из рук жены кусок лепешки, запихивал в рот и тут же принимался за дело. На вопросы отвечал односложно. Женщина видела, что муж не в себе. Сказала было ему, чтобы отдохнул, но вызвала в нем этим лишь вспышку гнева. Больше не досаждала ему разговорами. Лишь сердце обливалось кровью, когда глядела на него. О аллах, как он за эти дни изменился: осунулся, оброс щетиной, глаза ввалились, стал сам на себя не похож...

Женщина поднималась чуть свет, собирала хворост в лощине, поросшей редкими кустами, затем разводила огонь в очаге и, поставив греться воду для умывания, отправлялась на огород. Она ковыряла смерзшуюся землю палкой, разгребала руками, ломая себе ногти, в надежде найти остатки прошлогодней моркови или редьки.

Дни были короткие. Не успеешь повернуться, как начинало смеркаться, словно вечер гонялся за утром, желая схватить его за ворот. Опять комнату с заиндевевшими стенами наполнял черный мрак, женщина торопливо разводила огонь, чтобы выгнать его наружу, в ночь, ветреную и морозную. Но мрак не уходил — как продрогший пес, пятился в углы, прятался в ямах, развороченных мужем. Они поближе подсаживались к дымящему костру, и каждый молча думал о своем.

Женщину тревожило и заботило, что запас провизии

у них на исходе. А муж будто забыл, что человеку нужна еда: не подай она ему куска лепешки, не поднеси кипяточку, чтобы погрелся, он и не попросит. Это, может, и хорошо, что он терпелив. Она тоже может вытерпеть еще день, ну, пусть два. Но с ними же ребенок. За что он-то мучается, бедный? Вон как исхудал, родименький...

Настало утро четвертого дня. Мужчина вышел во двор. Занимался мутноватый рассвет. Свинцовое небо низко нависло над землей, темные косматые тучи, цепляясь рваными подолами за скалы, сползали с гор, казалось, заволакивали весь мир. Неподалеку, под старой корявой шелковицей, мужчина увидел груды камней. «Откуда они взялись? Их там никогда не было...» — подумал он. И не успел удивиться — попятился. Один из валунов с хриплым рычаньем скакнул в сторону и опять замер. Это была стая волков, один, два, три... Много. Матерые, со впалыми боками и выпирающими ребрами, они были до того истощены, что казалось, будто охотятся друг за другом, — стоит одному повернуть голову в сторону, как тут же на него накинется остальные.

В душу проник холод, от которого начало дрожать тело. Может, впервые мужчина ощутил страх. Его сердце сжалось, лоб покрылся испариной. Побледневшие губы зашевелились, и он промолвил с дрожью в голосе:

— О боже милостивый! Неужели мы станем добычей этих тварей!

В следующую минуту волки исчезли. Словно растаяли. Постепенно прошел страх, сковавший его. «Может, мне померещилось?.. — подумал мужчина и, поглядев еще раз, для верности, по сторонам, вошел в дом. — С голоду еще не то покажется...» Жене говорить ничего не стал. «Как бы не рехнулась баба со страху».

— Лепешки почти кончились, — робко заметила жена. — В понсках моркови и редьки я переломала себе все ногти.

— Хорошо искала? — осведомился муж.

— Посмотрите, все пальцы в крови. Я больше не могу руками. Вы бы лучше кетменем...

— Не видишь разве, кетмень не отдыхает! — раздраженно прикрикнул муж.

На рогожке зашевелился мальчик, спавший у погасшего костра.

— Я хочу есть... Когда мы будем есть?.. — спросил он тоненьким голоском, глядя то на мать, то на отца и силясь подняться.

— Сейчас, сынок,— со слезами в голосе сказала мать и, присев на корточки, стала разворачивать узелок.— Сейчас я дам тебе кусочек лепешки. Вот и урюк, один для тебя сберегла. Ешь на здоровье. А мы с отцом повременим...

— Не забудьте, на этом хлебе придется добираться до деревни. Ешьте с расчетом,— заметил муж.

Каждый день приносил новые муки. Без тепла, без горячей пищи они начали терять последние силы.

На пятый день женщина разломилась последнюю мерзлую лепешку на три части. Большой кусок подала мужу, чуть поменьше — сыну и последний ломоть взяла себе. Молча поели, подобрали с дастархана последние крохи. Однако поднялись с чувством неутоленного голода.

— Что теперь будем делать? — наконец решилась спросить женщина.

— Откуда мне знать! — резко, со злостью сказал муж. Сдавать свои позиции и он явно не собирался.

— Может... вернемся в деревню?

— Дура! — крикнул он, выкатив глаза.— Хочешь, чтобы кто-нибудь другой присвоил мое золото? Если бы я был уверен, что про него отец не сказал моим братьям раньше, чем мне, я бы мог подождать и до весны. Не притащился бы в эту пору в такую даль!

Женщина опустила голову, молча вышла.

Наступила ночь. Одиноким домик на горе окутал мрак. В изрытой комнате царил черное безмолвие.

Обессиленный мужчина, что-то невнятно приговаривая, дремал на циновке. Женщина сидела рядом, сгорбившись, она обняла вздрагивающего во сне сына, согревала его своим телом. А мальчику виделся сон. Золотистые лепешки, которые мать вынимала из тандыра, во сне превращались в яркие, уплывающие солнца. Он шевелил тонкими, слабыми руками и тихо просил хлеба. Женщина, проглатывая слезы, успокаивала его, думала, где раздобыть еду, чтобы спасти сына. Может, и есть поблизости какая-нибудь дичь, но ружья-то у них нет.

— Мама,— позвал мальчик. Он был мокрый от пота и тяжело дышал. У него был жар, он бредил.

Из глаз матери выкатились слезы. Она закусилась губы, чтобы не застонать. Мальчик затих, но от него веяло жаром, как от тандыра.

Надо для него раздобыть еду, подумала женщина и вслух повторила свои мысли:

— Отец, проснитесь! Надо для сына раздобыть еду. Слышите? Проснитесь же...

Муж мерно посапывал во сне, иногда скрипел зубами.

Это последний оставшийся в живых ребенок женщины. Тронх она положила в землю. Этот — последний, единственный. Он был смыслом всей ее жизни. Табибы предвещали и этому ее мальчику смерть, когда он тяжело заболел два года назад. Но она выходила его. А теперь... теперь сама привела его к зубастой пасти смерти. Нынешним летом она чуть не потеряла его навеки. Он тонул в реке. Она бросилась с высокого моста в бурлящий поток, успела схватить, прежде чем его втянуло в водоворот. Боролась с рекой из последних сил и потеряла сознание лишь после того, как вытащила свое дитя на берег. Она не умела плавать, раньше ей никогда не приходилось купаться в глубоких местах. Ей странным казалось, что она выплыла. А когда подросшие люди привели ее в чувство, сказали, будто она хорошо плавает...

— Бог милостив,— говорила ей мать.— Он видит твою любовь к нему. Оставит тебе твое дитя.

Ей вспомнилась мать. Она была очень доброй, умела успокаивать в трудную минуту. И сейчас тоже она нашла бы какое-нибудь утешение. В молодости мать была красивой и веселой. А неумолимое время превратило ее в маленькую сгорбленную старушку со сморщенным, как засохшее яблоко, лицом. Мать всю жизнь безропотно тянула свою ляжку, но никогда не поддавалась унынию. Обычно у нее собирались ее подруги поболтать, побалагурить. Ее любили сверстницы за веселый нрав, за песни, которые сама выдумывала и пела по вечерам... Теперь же она день-деньской сидит одинокая у сандала, мутными слезящимися глазами смотрит на домочадцев, а иногда тихо поет грустную песню.

Ее темное лицо, глубоко сидящие под едва намеченными бровями глаза выражали бесконечное горе.

Женщина вспоминала песню, родное лицо матери, знакомое до мельчайших морщин. Время отняло у матери сначала красоту, потом силу. Она все это передала детям. И наконец осталась одна, беспомощная, недугом пригвожденная к сандалу.

Таков страшный закон природы. Он не делает исключения никому. Старость — приговор каждому. И ее тоже ожидает участь матери. Кто знает, может, ей еще и не суждено дожить до такого возраста. Если муж не найдет

свое золото, они умрут в этом доме в объятиях черного мрака! А если найдет... старость все равно настигнет ее. У сына будет своя семья. А она будет день-деньской сидеть у сандала, как мать, одинокая, беспомощная, никому не нужная. Может, молодые будут говорить между собой, даже не опасаясь, что она услышит: «Почему эта старуха задержалась на белом свете?» И она станет молить бога, чтобы он поскорее призвал ее к себе. Возможно, и она, как мать, тусклыми невидящими глазами будет бессмысленно взирать на других и тоже будет изливать душу в песне.

Под тяжестью унылых дум все ниже опускались ее плечи. Она склонилась к сыну, обхватив его руками, как бы оберегая от всех напастей мира. Ее сморил сон.

В полночь подул сильный ветер, яростно обрушился на дом, грозя снести крышу, свалить стены. Дверь дергалась, будто кто-то пытался ее отворить снаружи: то налегал, то тянул к себе. Но накинутая на петлю цепочка удержала ее. В приотворившуюся дверь ворвалась холодная струя воздуха и снежная пыль. Женщина проснулась от холода. Она осторожно встала, чтобы плотнее закрыть дверь. Взялась за ручку и вскрикнула. Прямо перед собой увидела оскаленную клыкастую пасть и два жадных горящих зеленоватых глаза. Поодаль промелькнуло еще несколько теней, ясно различимых на белом снегу. Она торопливо закрыла дверь, замерла в ужасе, не ведая — звать мужа на помощь или теперь это ни к чему. Она слышала, как у самого порога хрустит снег под огромными лапами матерого волка. Она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, все тело сжалось, будто сделалось деревянным. Ей казалось, едва она сдвинется с места, как на нее набросится вся стая.

Мальчик застонал во сне. Его жалобный голос сразу же вернул ее к действительности. Теперь она уже не думала о волках. Теперь ей почудилась смерть в образе клыкастой страшной старухи. «Не дам!» — прошептала она пересохшими губами. Торопливо подошла к сыну, прижала к себе его горячее, легкое тельце. «Если бы муж перестал перекапывать пол в комнате, а занялся поиском пищи! Но он этого не делает, будет копать, пока не найдет, что ищет, или не умрет, обессилев».

Начало светать. Сквозь щели в двери в комнату началливаться свет. Мрак отступил. Она посмотрела на желтое, как воск, лицо сына, притронулась ко лбу губами и

ужаснулась. Мальчик горел. Плотно укутала его своим платком, положила на циновку и вышла во двор, чтобы собрать хворост и разжечь огонь.

На дворе стояло безмятежное утро. Пурга утихла. Робко поблескивали звезды, постепенно угасая. Смутным пятном белела луна, не успевшая сойти с небосвода, чтобы уступить место солнцу. Было тихо и пустынно. Вдали перебегали с места на место тощие волки, будто затеяли какую-то игру. Недалеко от очага сидел крупный волк с впалыми боками и свалывшейся шерстью, внимательно разглядывал ее. Она сделала несколько шагов в его сторону. Волк не двинулся. Вдруг ее осенила неожиданная мысль. Она круто повернулась, вошла в дом и тут же вышла, держа в руке кетмень. Волк продолжал сидеть на том же месте. Она крепко сжала черенок кетменя и медленно двинулась к волку. Расстояние сокращалось. Она забыла о давнишнем страхе. Боялась теперь другого — что волк убежит от нее. Волк и не думал отступать. Когда до волка осталось всего три-четыре шага, она медленно занесла кетмень, с силой замахнулась. Волк отпрянул в сторону, но не убежал. Снова уселся, как бы дивясь причудам этой женщины. Она опять стала приближаться. Осторожно подняла кетмень. Но волк теперь знал о ее намерении. Грозно зарычал, сделал прыжок в ее сторону, но наткнулся на лезвие кетменя, отскочил и медленно затрусил к своей стае. Женщину прошиб пот. Из комнаты донеслись плач сына и сонное бормотанье мужа. Постепенно сошло с нее нервное напряжение, она повернулась и направилась в дом.

Муж неподвижно сидел на прохуdivшейся во многих местах циновке, подперев руками худые, обросшие щетиной щеки, прикрыв глаза пухлыми веками. Можно было подумать, что он все еще спит. В минуту бессильной досады он окружал себя непроницаемой стеной молчания. Будто плотно закутывался в некое покрывало, чтобы не ощущать более ничего, кроме самого себя. Заслышав шаги жены, он встрепенулся, тяжелым взглядом обвел изрытую комнату. Прежней уверенности уже не было. Жена не стала досаждать ему разговорами, чтобы не вызвать вспышки гнева. Тихо подошла к сыну, опустилась на колени. Мальчик к утру пропотел, но жар окончательно вымотал его. Он был не в состоянии встать. И хлеба не просил больше. Лежал на спине, бессмысленно уставясь в потолок. Женщина понимала, что для мальчика наступил второй пери-

од голодовки: чувство голода исчезло, разум притупился. Теперь он до самого конца не почувствует голода.

Женщина, забыв о голоде и усталости, бодрствовала.

Мужчина попытался встать... Но ослабевшие руки и ноги ему не подчинились.

— Идите в ближайшую деревню. Раздобудьте чего-нибудь съестного,— проговорил он свистящим голосом.— Я не могу идти с вами. Я, кажется, заболел. Свою голову и ту трудно держать на плечах.

Женщина не могла понять: то ли он не может подняться из-за болезни, то ли просто не желает оставить свое золото. Вспылила и наконец решила сказать то, о чем все последние дни думала:

— Если и найдете свое золото, сыты им не станем. Мы можем умереть с голоду, обладая этим проклятым золотом. Идемте вместе.

— Ступайте!

Мужчина зло сверкнул глазами и отвернулся. Он сознавал, что не следовало бы отправлять в такую даль обессиленную жену и больного сына. Всю свою жизнь, когда он бывал неправ, он прекрасно это сознавал, но тем не менее, как бы бросая вызов судьбе, упрямо старался добиться своего.

Он не видел, как жена с трудом подняла сына и, слегка покачиваясь, переступила порог. Он не видел, как она обернулась за порогом и сквозь слезы посмотрела на него. Сердце ее сжимало предчувствие недоброго. В этот миг она вдруг почувствовала, как сильно любит этого черствого, сурового человека.

— Сегодня не работайте, отдохните. Мы к вечеру вернемся. Обязательно вернемся,— сказала она. Слезы, которые она удерживала с трудом до последнего мгновения, полились у нее по щекам.

На горных вершинах ослепительно сияли белые лохматые папахи, освещенные еще невидимым солнцем. А провалы между горами были наполнены синим туманом. Там, внизу, в ущельях, все еще таится ночная мгла. Туда солнечный свет пробьется еще не скоро.

Женщина, крепко прижимая к себе ребенка, медленно спускалась с гор. Далеко внизу, прыгая по черным камням, шумела река. Со скал свисали ледяные карнизы, деля их похожими на причудливые хрустальные дверцы. Морозный ветер бил в лицо, слезы застилали глаза. Женщина шла, стараясь ступать как можно тверже. «Если ос-

туплюсь, надо будет падать назад,— думала она.— Иначе ребенок может ушибиться... Скоро наступит весна, потеплеет, стает снег. Потекут с гор веселые ручейки. Воздух наполнится веселым гомоном птиц, по земле расстелется зеленый ковер с ярко-красными пятнами тюльпанов и маков... Ребенок у меня должен родиться весной. Люблю детей весеннего рождения. Пойдешь с ним к соседям, посидишь, поболтаешь, глядишь, и жить веселее станет. Хоть бы девочка родилась. Подрастет — вот уже и помощница. Девочки все же ближе сердцу матери...»

К полудню они добрались до деревни, через которую проходили в тот злосчастный день. Над крышами, как тогда, вились тонкие струйки дыма. Здесь было тепло, подле дувалов, с южной стороны, уже начал подтаивать снег, и прямо из-под него начинала подниматься зеленая травка. Как приятно ей было сейчас увидеть эту травку. Где-то замычала корова, ей тоненьким голоском ответил теленок. Знакомая и близкая сердцу деревенская жизнь подбодрила женщину, воскресила утерянную надежду. Но, вспомнив окутанный таинственным сумраком одинокий домик на горе, она снова впала в уныние. Чем-то зловещим и страшным повеяло на нее со стороны гор при этой мысли. Там остался родной ей человек в единоборстве с голодом и стужей. И еще с самим собой...

Она постучала в перекосившуюся от ветхости, сохранившую следы былой резвы калитку и поклонилась молодой женщине, отворившей ей.

— Дай бог увидеть вам счастье ваших детей. Пожалейте этого малышку. Мы пришли издалека, выбились из сил...

Хозяйка, увидев прилично одетую женщину с ребенком на руках, растерялась, приветливо сказала:

— Входите, пожалуйста. Вас, наверно, постигло несчастье? Сын ваш совсем слаб. Дайте мне его, вы сами с трудом держитесь на ногах. Входите, отдохните.

Хозяйка взяла на руки мальчика, торопливо пошла к дому. А женщина стояла и все никак не могла распрямить онемевших рук. Ей вдруг показалось, что запахло куриным бульоном.

— Милая, вы варите курицу? — невольно спросила она, входя в дом.

— Нет, я готовлю мучное блюдо, отведайте.

-- Благодарю вас,— сказала женщина тихо.

Женщина отлучилась в другую комнату, принесла две

горячие лепешки. Мальчик выхватил одну из них, торопливо отломив, засунул в рот, но жевать у него не хватило сил.

— Дай бог вам счастливой старости. Пусть будет суждено вам увидеть счастье ваших детей, аминь,— приговаривала гостья, утирая кончиком платка набежавшие слезы.

— Аминь! Да сбудутся ваши слова. Ешьте.

Женщина сделала несколько глотков мучной похлебки и почувствовала головокружение. У нее потемнело в глазах. Но вскоре она пришла в себя, доела лепешку и, поблагодарив добрую хозяйку, снова взяла сына и пошла по кишлаку просить милостыню.

Наступил вечер...

Покидая кишлак, она ясно представила трудность обратной дороги. Наступит ночь, можно наткнуться на волков. Не лучше ли заночевать здесь?

Увидев девочку, игравшую у ворот, спросила:

— Мама дома?

— Дома,— ответила девочка.— Позвать?

— Скажи, что ее спрашивает тетя.

Из двора вышла рябая женщина среднего возраста.

— Сестра, мы из соседней деревни, припозднились, не разрешите ли переночевать у вас? Да сбудутся все ваши желания...

— Входите, голубушка, о чем разговор. Всегда рады гостям. Одна ночь — не тысяча, от нас не убудет,— сказала женщина, обнимая незнакомку.

— Спасибо, да суждено будет увидеть вам счастье своих детей.

Вошли в дом. Гостья отказалась занять почетное место, указанное хозяйкой, а скромно опустилась на краешек ковра.

— Пожалуйста, не стесняйтесь, почувствуйте себя как дома, ведь вы наша гостья, а гостей и сам пророк угощал.

— Благодарю, здесь тоже удобно. Мы привычные...

Пока хозяйка разговаривала с гостьей, малыш разомлел от тепла и, уютно устроившись на коленях у матери, сладко посапывал.

Гостья отхлебнула через край касы два-три глотка похлебки из джугары и отодвинула посуду. Ее одолевал сон.

— Странные времена наступают, сестрица,— заметила хозяйка.— Все перевернулось вверх дном, творится что-то непонятное. Поговаривают о создании каких-то колхозов.

Якобы прогонять будут баев, а их земли раздадут беднякам. Будто все станут равными...

— Все станут равными? Неужели это правда? — спросила гостья. — Может ли быть такое?

— К нам приехали представители из самого Ташкента, каждый день вызывают мужчин, о чем-то говорят с ними...

— Ой, когда же кончится это тревожное время, когда же наступят тихие, мирные дни? — пролепетала гостья.

— Бог знает. Говорят, и женщины станут равными с мужчинами и будут работать на полях.

— Может ли быть такое, хозяйюшка?

— Почему бы и нет? До каких пор мы будем сидеть среди этих голых стен и быть рабынями при мужьях? Станем работать наравне с ними, хлебом никто не попрекнет.

Гостья примолкла, эти новости ошеломили ее. Она теперь думала о женщинах, которые будут трудиться на полях.

— Где ты об этом слышала, подруженька? — спросила она.

— Так говорят мужчины. Школы, мол, откроют, детей будут учить.

Наговорившись, они легли спать.

«Неужели отец сказал это в бреду? Может, здесь и нет никакого золота, — с ужасом думал мужчина, — вроде бы всюду перекопал. Сделаю последнюю попытку, вот здесь, поближе к двери... Не успокоюсь, пока не найду...»

Эти мысли заставили его снова встать на ноги.

На вершинах гор сверкали оранжевые лучи заходящего солнца. Подул холодный порывистый ветер, провозвестник близкой бури. Ослабевший от голода, он поднял дрожащими руками кетмень, тяжело ударил им о землю. Он работал почти в полуобморочном состоянии. Но стоило присесть на минуту, перед глазами тут же начали мерцать горы золота.

Через некоторое время кетмень с глухим стуком ударился о что-то твердое. Глаза его радостно сверкнули, бешено заколотилось сердце. «При ударе о камень был бы иной звук, — подумал он, — если богу угодно, кажется, нашел». Исчезло чувство голода, прихлынула сила. Он начал торопливо и осторожно разгребать землю. Наконец показался угол обитого железом сундука. Он отбросил кетмень, бросился в яму и начал расчищать сундук руками. Убе-

дившись, что это не бред, он схватился за голову и захохотал. По щекам его струились слезы, смывая пыль с лица, оставляя темные полосы.

— О аллах милостивый, благодарю тебя тысячу раз!— вскрикнул он.— Асаль, Сабирджан, смотрите, я нашел золото! Это все мое!

Продолжая сидеть на земле, он поставил перед собой сундук и, открыв крышку, стал любоваться золотом.

Через некоторое время он очнулся, быстро вскочил на ноги, перетянул сундук в дальний угол комнаты и начал перебирать золото. Один... два... три... двадцать... сто...

— Все это теперь твое, Салибай,— приговаривал он.— Все это твое... теперь ты станешь богачом, каким был почтенный бек, пусть пухом ему будет земля. И тебя будут величать беком, Салибай. Ведь у кого золото, тот и бек...

Он принялся заново пересчитывать золото. Один... два... три... двадцать... сто... Вмиг прерывал подсчет и быстро захлопывал крышку сундука, подозрительно озираясь по сторонам. Убедившись, что никто не подсматривает, снова принимался считать.

Передохнул и затем перенес находку в другой, более темный угол, снял с себя чапан, накрыл им сундук. Поразмислил немного и снова зарыл клад в землю. И это его не успокоило. Снова вырыл, положил под голову и лег, прислонясь к нему затылком.

«Теперь ты веришь, что все это твое, Салибай? — спросил он сам себя.— Верю, теперь мое».

Долго лежал неподвижно, не чувствуя, как его разгоряченное тело вбирает в себя холод и сырость земли. Вдруг ощутил острый приступ голода, закружилась голова, в глазах помутнело. Он не в силах был пошевелиться. Ему казалось, что он не в доме, а в лодке, которая носится в бурю по волнам, предоставленная самой себе. На миг потерял сознание. Придя в себя, с трудом занес руку, пощупал сундук.

— На месте,— прошептал он.— Возьми себя в руки, Салибай. Ты не имеешь права сейчас, именно сейчас, погибнуть.

Желание жить победило, мужчина медленно приподнялся и, опираясь на дрожащие руки, с трудом сел. Это был последний вызов судьбе человека, находящегося на грани жизни и смерти. Он обеими руками прижал к груди сундук, в его глазах затеплился радостный огонек. Потом лицо его перекосилось от боли. «Неужели тот, кто обла-

дает таким количеством золота, непременно должен умереть? — подумал он.— Отец приобрел его и умер. Теперь я».

Его отец был самым богатым человеком в кишлаке. Когда-то он назывался Саидбаем, у него было неисчислимое количество друзей в десятках кишлаков, городах и даже среди русских богачей. Он обладал множеством отар овец, табунами лошадей... На его земле трудились десятки батраков... В последний раз отец женился на девочке, которая была моложе его младшего сына... И все-таки наконец оказался в плену у старости. Долго увертывался старик, но смерть победила его, перед смертью тайком от жен и детей он спрятал свое золото под этим порогом. Вот почему до последнего часа старик все смотрел в сторону гор и не прятал своих слез.

Салибай сидел у изголовья больного отца и никак не мог уразуметь, почему он все время смотрит в окно, в сторону синеющих вдаль гор, и горестно вздыхает.

По обету, данному во время молебна, отец должен был каждый день жертвовать один золотой в пользу бедных. Однако он подкупил муллу, и тот нашел выход. В мешок пшеницы положили одну золотую монету, принесли воспитанникам медресе и спросили: «Вы нуждаетесь? Вот вам милостыня — решайте, возьмете пшеницу или то, что находится внутри ее?» Воспитанники удивились, не понимая, что еще может быть в мешке, кроме пшеницы. Тут вмешался мулла: «Бай-ака,— сказал он,— они возьмут пшеницу, продадут ее и купят себе все необходимое». Воспитанники не смели перечить мулле. Таким образом, из мешка извлекли единственную монету, и бай-ака не жертвовал ни одного золотого.

Но все это было в прошлом. Теперь старик беспомощно лежал в пустом доме и из последних сил противился смерти. Но она оказалась сильнее его.

Салибай вспомнил это и глухо застонал. Теперь он понял, что золото, как продажная женщина, переходит из рук в руки, но никому не бывает преданным. Оно не было преданным и тем, кто ради него проливал кровь, рисковал жизнью. В чьих только руках не побывало это золото, но никому оно не заменило куска хлеба... А ему бы сейчас хоть ломоть лепешки, хоть малую крошку...

Покосившись на дверь, он определил, что на дворе ночь. Тоненькая полоска лунного света слабо озаряла его угол. От порывов ветерка створка двери тихо покачива-

лась и поскрипывала. Днем во время работы он оставлял ее открытой, чтобы в комнату вливался свежий воздух. Опыяненный золотом, он забыл ее запереть на ночь.

Он чувствовал, что с ним происходит что-то странное, но не мог определить, что именно. Чего-то не хватало ему. Сундук с золотом покоился у изголовья, но все равно чего-то недоставало. Наконец он понял, что его гнетет тишина, царившая в доме. На смену глухим ударам кетменя, сливавшимся с ударами его сердца, прерывистому дыханию, ноющей в мышцах боли, на смену его яростным усилиям, увенчавшимся находкой заветного клада, пришли спокойствие и глухая тишина. Будто он в склепе, а не в доме.

Через некоторое время чувство одиночества стало проходить. Ему показалось, что в комнате кроме него присутствует еще кто-то. Кто же это? Неужели вернулась Асаль и сын? Тогда почему же они не подходят к нему? Дверь опять тихо скрипнула, как от порыва легкого ветерка, в ней промелькнули два зеленых огонька и исчезли... Потом опять... Он вспомнил, как в детстве вечерами бегал с мальчишками в сад ловить светлячков. Вон сколько их вокруг него. Только откуда они взялись зимой? Он судорожно схватил землю, бросил в них. Его обостренный слух уловил легкие шорохи. Два светлячка стали расти, приближаться и неожиданно превратились в два рыжих огненных глаза. С трудом дошло до его помутневшего сознания, кому принадлежат эти глаза.

— Асаль! Сабир! — крикнул он, но голос его настолько ослаб, что он и сам его не услышал.

Он собрал последние силы, хотел встать, намереваясь в последний раз испытать счастье в борьбе за жизнь, но, увы, тело ему не повиновалось. Он ощутил вдруг жгучую тягу к жизни. Лучше быть нищим, ходить в отрепьях — но жить. Совсем близко от себя он увидел оскал желтых зубов, и лицо его обдало жаром и вонью из раззявленной клыкастой пасти.

Женщина, приблизившись к дому, заметила множество волчьих следов вокруг. Торопливо вошла в комнату. Увидев клочья окровавленного чапана и холодно мерцающие кругляшки рассыпанного и перемешанного с землей золота, в ужасе закричала, бросилась назад. Упала без чувств. Ее привел в себя плач сына. Мальчик силился поднять мать и сквозь слезы приговаривал:

— Мама, мама... Скорее уйдем отсюда, а то волки съедят...

Она поднялась, порывисто обняла сына, прижала его голову к груди, боясь оглянуться назад. Ей невольно вспомнилась тревога, охватившая ее на обратном пути, предчувствие недоброго. Вдруг подумала, что если бы пришла вчера, этого, может, и не случилось бы... Дала волю слезам. Но, увидев бледного, перепуганного насмерть мальчика, который еще не оправился от болезни, усилием воли заставила себя успокоиться.

— Да благословит его аллах! — сказала она, вздохнув. — Да будет ему место в раю.

Прошептала молитву и провела руками по лицу. Глядя на нее, то же самое проделал мальчик.

Они медленно, держась за руки, отправились в обратный путь. Под огромной нависшей скалой увидели утоптаный волчьими ногами снег. Замирая от страха, свернули на другую тропу.

— Да благословит аллах всех, кто покончил с этим миром, пусть им будет место в раю... — приговаривала женщина, крепко сжимая руку сынишки.

Мальчик боязливо озирался по сторонам, молча жался к матери.

— Сабирджан, — ласково обратилась мать к нему. — Пойдем не домой, а к дяде. У них уже колхоз. Люди помогут нам. Я буду работать с ним в поле. Ты будешь ходить в школу. У нас будет свой дом. Совсем новый. Там люди живут по-новому. Собираются на хашар и строят друг другу дома. Как-нибудь заработаем на хлеб. И дядя твой все же не чужой нам — брат мне. А свой своему поневоле друг...

— Я хочу домой...

— Нет, родненький, в свой дом мы больше не вернемся. Бог даст, наш завтрашний день будет светлее...

— А что такое школа?

Женщина долго молчала. Она и сама толком не знала, что такое школа.

— Это дом, где учат жить по-новому, сынок, — сказала она.

К вечеру они вступили в кишлак. Ноги вязли в жиже талого снега, перемолотого на дороге колесами арб. На просохшей обочине зеленела трава. «Скоро настанет весна, — размышляла женщина. — Потекут ручейки, земля покроется цветами...» И она почти ощутила мягкий, нежный запах весенних садов.